

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2025.87.13.008

## **Эволюция института экстрадиции в международном политическом процессе**

**Смирнов Олег Аркадьевич**

Кандидат физико-математических наук, доцент,  
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина,  
115035, Российская Федерация, Москва, ул. Садовническая, 52/45;  
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

**Слабкая Диана Николаевна**

Старший научный сотрудник,  
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,  
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;  
e-mail: sdn10.70@mail.ru

### **Аннотация**

В статье исследуется эволюция института экстрадиции в международном политическом процессе от древнейших времен до современности. Анализируется становление экстрадиции как обязанности государств по выдаче лиц для целей уголовного преследования. Рассматривается теоретическое обоснование данного института в трудах Гроция, де Ваттеля и Беккарии. Особое внимание уделено современным вызовам, связанным с борьбой против транснационального терроризма. Выявлены проблемы практики лишения гражданства иностранных террористов-боевиков. Обоснована необходимость формирования новой международно-правовой обязанности - «обратной экстрадиции». Предложены ключевые параметры такого обязательства, включая критерий действительной связи, специализацию в сфере борьбы с терроризмом и гармонизацию национальных законодательств. Сделан вывод о перспективности развития данного института для укрепления международной безопасности при соблюдении прав человека.

### **Для цитирования в научных исследованиях**

Смирнов О.А., Слабкая Д.Н. Эволюция института экстрадиции в международном политическом процессе // Теории и проблемы политических исследований. 2025. Том 14. № 7А. С. 96-102. DOI: 10.34670/AR.2025.87.13.008

### **Ключевые слова**

Экстрадиция, международное право, транснациональная преступность, выдача преступников, международные договоры, обратная экстрадиция, иностранные террористы-боевики, лишение гражданства, теория действительной связи, международная безопасность.

---

## Введение

Современное развитие средств связи и информационных технологий, существенно облегчившее проживание за пределами страны происхождения, объективно стимулировало рост транснациональной преступности, что повышает значимость международного сотрудничества в уголовно-правовой области. Центральное место среди его механизмов занимает экстрадиция – политико-правовой институт, обладающий глубокими историческими корнями, хотя соответствующая терминология считается относительно новой. До утверждения в современном международном праве термина «экстрадиция», этимологически восходящего к латинским словам «ex-» и «traditionem» и часто приписываемого Вольтеру, для обозначения этого явления применялись французские понятия «restituter» и «remettre». В юридической науке под экстрадицией понимается официальная процедура передачи лица одним государством другому для осуществления правосудия или приведения в исполнение наказания. Данный институт отличается сложной структурой, основанной на политических, законодательных и теоретических традициях. В рамках дискуссий о правовой природе экстрадиции принципиальное значение приобретает вопрос о существовании обязанности государств осуществлять выдачу преступников. Целью настоящего анализа является исследование сущности экстрадиции в контексте международного политического процесса на историко-теоретической основе, обоснование ее обязательного характера и изучение новых проблем, способных привести к расширению содержания данного обязательства в перспективе, в особенности к формированию концепции «обратной экстрадиции».

## Основное содержание

Историческое развитие экстрадиции принято условно разделять на три основных этапа: древность, классическую эпоху, охватывающую Средневековье и раннее Новое время, и современный период. Наиболее ранние свидетельства о выдаче преступников обнаруживаются в Ветхом Завете, датируясь приблизительно 1350 годом до н.э., тогда как первое международное соглашение, содержащее соответствующие положения, было заключено между египетским фараоном Рамсесом II и хеттским правителем Хаттусили III. В древний период экстрадиция преимущественно касалась политических преступников, представлявших непосредственную угрозу для правящей власти, в то время как выдача обычных правонарушителей не носила системного характера, уступая место изгнанию как мере, эффективно удалявшей преступника из общества. Римская империя использовала требования о выдаче в качестве инструмента демонстрации своего превосходства. В эпоху Возрождения основной акцент сместился на защиту политического режима и устранение противников, что находило отражение в многочисленных договорах, подобных соглашению между Англией и Шотландией 1174 года. Несмотря на то что договор между Францией и Савойей 1376 года уже предусматривал сотрудничество в области борьбы с общеуголовными преступлениями, политическая мотивация долгое время оставалась преобладающей.

Наступление современного периода, отмеченного промышленной революцией, развитием транспортных систем и усилением миграционных процессов, создало благоприятные условия для бегства преступников, что стимулировало потребность в договорах об экстрадиции. Франция сыграла ведущую роль в их разработке, заключив соглашения с большинством соседних государств, а впоследствии и с более отдаленными странами, включая Соединенные

Штаты Америки. Именно в рамках французской договорной практики происходило становление ключевых принципов современной экстрадиции, таких как изъятие для политических преступлений, закрепленное в договоре с Бельгией 1834 года, и правило специальной цели, получившее распространение с 1850 года.

Однако создание всеобъемлющей сети двусторонних договоров признается практически невозможным ввиду их потенциально огромного количества, что активизировало развитие многосторонних форм сотрудничества. Первоначальными инициаторами в данной области выступили государства американского континента, заключившие в 1879 году договор в Лиме. В Европе значительным достижением стало принятие в 2002 году Рамочного решения о европейском ордере на арест, коренным образом упростившего процедуру передачи между государствами-членами Европейского союза [Ginsburgs, 2004]. Другим примером углубленного регионального взаимодействия служит система Северного ордера на арест, учрежденная в 2005 году и основанная на высоком уровне взаимного доверия между северными странами, что позволило отказаться от проверки двойной криминализации для определенных категорий преступлений [Klimek, 2011].

Современная экстрадиция развивалась главным образом через международные договоры, объединяемые ключевым положением – возложением на запрашиваемое государство обязанности осуществить выдачу.

Теоретическое обоснование для этого было заложено учеными классической эпохи. Гуго Гроций сформулировал принцип «aut dedere aut punire», в современной доктрине преобразовавшийся в «aut dedere aut judicare», согласно которому государство, укрывающее преступника, обязано самостоятельно его наказать во избежание ответственности за пособничество. Эмерих де Ваттель, признавая право на убежище, устанавливал исключение для преступников, угрожающих всему человечеству, таких как пираты или наемные убийцы, подлежащих безусловной выдаче или наказанию [Van Den Wijngaert, 1983]. Чезаре Беккария подчеркивал предупредительную функцию наказания и роль экстрадиции в создании системы, не оставляющей преступникам возможности для бегства, что усиливает сдерживающее воздействие закона. В современной научной литературе большинством исследователей разделяется позитивистский подход, согласно которому обязанность выдавать возникает исключительно из международного договора или внутригосударственного законодательства, но не из норм естественного права. Обоснование данной обязанности продолжает оставаться предметом научных дискуссий, в рамках которых выделяются несколько теоретических направлений: обращение к общим моральным нормам; получение выгоды от удаления преступника со своей территории; демонстрация государственного суверенитета и укрепление межгосударственных связей; наконец, теория взаимности, предполагающая сотрудничество в ожидании ответных действий в будущем [Bilalli-Zendeli, 2019].

С точки зрения авторов, сохранение экстрадиции в качестве обязанности, а не акта свободного усмотрения, представляет собой продолжение исторической традиции, одновременно отвечая задачам уголовной политики, поскольку создает ощущение неотвратимости наказания и усиливает общее предупредительное воздействие. Одновременно современное право экстрадиции развивалось под влиянием идей защиты прав человека, что выразилось в закреплении гарантий для передаваемого лица, таких как правило специальной цели и изъятие для политических преступлений.

Современные проблемы, в частности противодействие транснациональному терроризму, выявили новую сложность – нежелание ряда государств принимать обратно своих граждан,

вступивших в террористические организации за рубежом, и привлекать их к ответственности. Практика лишения гражданства таких лиц превратилась в средство уклонения от указанной ответственности. Однако данный подход порождает серьезные ограничения. Административный порядок лишения гражданства, осуществляемый без судебного разбирательства, противоречит принципам справедливого правосудия и презумпции невиновности. Существуют значительные риски дискриминации, поскольку эта мера нередко применяется к лицам с двойным гражданством или определенной этнической и религиозной принадлежности. Кроме того, высылка таких лиц в третьи страны, где им может грозить смертная казнь или отсутствуют условия для возвращения к нормальной жизни, несовместима с принципами защиты прав человека и не решает проблему безопасности. Важно отметить, что высылка, в отличие от экстрадиции, не влечет за собой обязанности по уголовному преследованию [Chakraborty, 2014]. Борьба с терроризмом требует обеспечения привлечения преступников к ответственности, их наказания и, где это возможно, возвращения в общество. Наилучшие условия для этого существуют в стране, с которой лицо связано наиболее тесными и действительными связями, в соответствии с «теорией действительной связи», разработанной в деле Ноттебома. Такой страной обычно признается место его постоянного проживания, центр жизненных интересов и семейных отношений. Наглядным примером данной проблемы служит случай Сухайры Аден, гражданки Новой Зеландии и Австралии, вступившей в ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация) [Julié, Menegon, Fauvarque, 2021]. После лишения ее гражданства Австралией и Новая Зеландия, признавая свои международные обязательства, не согласилась принять ее, несмотря на то что последняя прожила в Австралии большую часть жизни. Этот прецедент указывает на становление новой практики и потенциальной обязанности, условно определяемой как «обратная экстрадиция» или обязанность «принимать и преследовать». Сущность формирующегося обязательства может быть определена через следующие черты. Во-первых, обязанность принимать и преследовать должна возлагаться на государство, с которым обвиняемый обладает наиболее тесной и действительной связью, лишение гражданства не должно прекращать данную ответственность. Во-вторых, область применения обязанности должна ограничиваться в первую очередь борьбой с транснациональным терроризмом, что отличает ее от передачи осужденных или уголовного преследования по другим делам. В-третьих, перечень террористических организаций, подпадающих под действие соответствующего соглашения, должен определяться договаривающимися сторонами на основе взаимного признания. В-четвертых, национальное законодательство сторон требует согласования с указанным обязательством, включая расширение оснований юрисдикции и криминализацию соответствующих деяний. Таким образом, констатируется настоятельная потребность в закреплении на международном уровне обязательства по обратной экстрадиции, которое обеспечило бы привлечение к ответственности террористов и содействовало их возвращению к нормальной жизни в наиболее подходящей для этого стране, укрепляя тем самым глобальную безопасность при одновременной защите прав человека [Julié, Menegon, Fauvarque, 2021].

## Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что институт экстрадиции прошел сложный исторический путь развития — от единичных случаев выдачи политических противников в древности до формирования разветвленной системы международно-правового

сотрудничества в современную эпоху. Несмотря на эволюцию своих форм и содержания, экстрадиция сохранила свою сущностную характеристику как обязанность государств по осуществлению выдачи лиц для целей уголовного преследования. Эта обязанность, первоначально основанная на политической целесообразности, в дальнейшем получила теоретическое обоснование в трудах классиков правовой мысли и была институционализирована через систему международных договоров.

Современные вызовы международной безопасности, в частности феномен иностранных террористов-боевиков, выявили системные пробелы в существующем правовом регулировании. Практика лишения гражданства лиц, связанных с террористической деятельностью, и последующего отказа от их приема демонстрирует попытку государств уклониться от ответственности, что создает угрозу как правам человека, так и глобальной безопасности. В этом контексте возникает объективная потребность в формировании новой международно-правовой обязанности — «обратной экстрадиции», или обязанности «принимать и преследовать».

Перспективное развитие института экстрадиции видится в закреплении на международном уровне обязательства государств принимать своих граждан (или лиц, имеющих с ними прочную фактическую связь) для привлечения к ответственности за террористические преступления. Ключевыми параметрами такого обязательства должны стать: определение ответственного государства на основе критериев действительной связи; ограничение сферы применения борьбой с транснациональным терроризмом; создание механизмов взаимного признания террористических организаций; и гармонизация национального законодательства.

Формирование обязательства по обратной экстрадиции представляется закономерным этапом эволюции международного сотрудничества в уголовно-правовой сфере. Его имплементация будет способствовать укреплению принципа неотвратимости наказания, обеспечению прав человека и повышению эффективности противодействия глобальным угрозам современности.

## Библиография

1. Bilalli-Zendeli A. Extradition-its nature and scope in criminal matters //JUSTICIA—International Journal of Legal Sciences. – 2019. – Т. 7. – №. 11. – С. 33-43.
2. Boz B. From the past to the future of extradition: The rise of a new obligation as reverse extradition //Ankara Sosyal Bilimler Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi. – 2022. – Т. 4. – №. 2. – С. 494-539.
3. Chakraborty A. Growth of Extradition Under International Law // KIIT Journal of Law and Society. – 2014. – Т. 4. – №. 1.
4. Eze T. C. Exploring the politics and law of extradition in international relations //Nnamdi Azikiwe University Journal of International Law and Jurisprudence. – 2021. – Т. 12. – №. 2. – С. 34-56.
5. Ginsburgs G. Extradition Issues in Russian-Turkmen Relations //Review of Central and East European Law. – 2004. – Т. 29. – №. 4. – С. 437-456.
6. Hasimova L. Extradition in international criminal law and human rights in this context //Baku St. UL Rev. – 2017. – Т. 3. – С. 250.
7. Julié W., Menegon S., Fauvarque J. From a political to a judicial approach to extradition: A case for the consolidation of the requesting State's rights in domestic extradition procedures //New Journal of European Criminal Law. – 2021. – Т. 12. – №. 3. – С. 464-475.
8. Klimek L. Surrender vs. Extradition: A Comparison Focused on Innovations //International and Comparative Law Review. – 2011. – Т. 11. – №. 1. – С. 139-150.
9. Teuber L. Extradition and human rights: A look at the EU-US and Germany-US extradition agreements and their consistency with each other and with human rights : дис. – University of Twente, 2012.
10. Van Den Wijngaert C. The Political Offence Exception to Extradition: Defining the Issues and Searching a Feasible Alternative //Rev. BDI. – 1983. – Т. 17. – С. 741.

---

## The Evolution of the Extradition Institute in the International Political Process

**Oleg A. Smirnov**

PhD in Physical and Mathematical Sciences,  
Associate Professor,  
Russian State University named after A.N. Kosygin,  
115035, 52/45, Sadovnicheskaya str., Moscow, Russian Federation;  
e-mail: smirnovoleg1952@mail.ru

**Diana N. Slabkaya**

Senior Researcher,  
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,  
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;  
e-mail: sdn10.70@mail.ru

### Abstract

The article examines the evolution of the extradition institute in the international political process from ancient times to the present day. It analyzes the formation of extradition as an obligation of states to extradite individuals for criminal prosecution purposes. The theoretical foundation of this institute in the works of Grotius, de Vattel, and Beccaria is considered. Particular attention is paid to contemporary challenges related to the fight against transnational terrorism. The problems associated with the practice of denaturalizing foreign terrorist fighters are identified. The necessity of establishing a new international legal obligation – "reverse extradition" – is substantiated. Key parameters of such an obligation are proposed, including the genuine connection criterion, specialization in counterterrorism, and harmonization of national legislations. It is concluded that the development of this institute is promising for strengthening international security while respecting human rights.

### For citation

Smirnov O.A., Slabkaya D.N. (2025) Evolyutsiya instituta ekstraditsii v mezhdunarodnom politicheskom protsesse [The Evolution of the Extradition Institute in the International Political Process]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 14 (7A), pp. 96-102. DOI: 10.34670/AR.2025.87.13.008

### Keywords

Extradition, international law, transnational crime, extradition of criminals, international treaties, reverse extradition, foreign terrorist fighters, denaturalization, genuine connection theory, international security.

### References

1. Bilalli-Zendeli A. Extradition-its nature and scope in criminal matters //JUSTICIA–International Journal of Legal Sciences. – 2019. – T. 7. – №. 11. – C. 33-43.

2. Boz B. From the past to the future of extradition: The rise of a new obligation as reverse extradition //Ankara Sosyal Bilimler Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi. – 2022. – T. 4. – №. 2. – C. 494-539.
3. Chakraborty A. Growth of Extradition Under International Law //KIIT Journal of Law and Society. – 2014. T. 4. №. 1.
4. Eze T. C. Exploring the politics and law of extradition in international relations //Nnamdi Azikiwe University Journal of International Law and Jurisprudence. – 2021. – T. 12. – №. 2. – C. 34-56.
5. Ginsburgs G. Extradition Issues in Russian-Turkmen Relations //Review of Central and East European Law. – 2004. – T. 29. – №. 4. – C. 437-456.
6. Hasimova L. Extradition in international criminal law and human rights in this context //Baku St. UL Rev. 2017. T. 3. – C. 250.
7. Julié W., Menegon S., Fauvarque J. From a political to a judicial approach to extradition: A case for the consolidation of the requesting State's rights in domestic extradition procedures //New Journal of European Criminal Law. 2021. T. 12. №. 3. – C. 464-475.
8. Klimek L. Surrender vs. Extradition: A Comparison Focused on Innovations //International and Comparative Law Review. – 2011. – T. 11. – №. 1. – C. 139-150.
9. Teuber L. Extradition and human rights: A look at the EU-US and Germany-US extradition agreements and their consistency with each other and with human rights : дис. – University of Twente, 2012.
10. Van Den Wijngaert C. The Political Offence Exception to Extradition: Defining the Issues and Searching a Feasible Alternative //Rev. BDI. – 1983. – T. 17. – C. 741.